

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

DOI 10.35775/PSI.2024.106.6.005

УДК 32

Е.А. СВИРИДЕНКО

аспирант философского факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

E-mail: egorsviridenko@mail.ru

РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕНИЯ НИЛА СОРСКОГО В ТРУДАХ ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ В XVI В.

Статья посвящена выявлению ключевых позиций и понятий богословского и политического учения Нила Сорского, продолженном его учениками в XVI веке. На основании многочисленных источников был продемонстрирован вклад Нила Сорского в православную монашескую традицию, создание нового образа монастыря на Руси, где монахи жили отдельно друг от друга, но собирались вместе во время богослужений. Ученики же его, такие как Вассиан Патрикеев и Максим Грек пытались адаптировать его учение к реалиям власти и общественной жизни. Нестяжатели представляли себя как духовных наставников, призванных быть нравственными учителями для русских правителей. Так, Вассиан Патрикеев постепенно отходил от идеи паритета и равенства между государством и Церковью, при этом пытавшийся все больше влиять на правителя. Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что следование строго духовным принципам невозможно и даже вредно в качестве государственной основы. Максим Грек же стремился предлагать реформы по модернизации представлений о власти. Так, он признавал помимо наследственного права также и выборы как законный способ замещения престола. Он видел царскую власть ограниченной божественными и земными законами, и царская фигура также должна бороться с искушениями и страстями, ограничивая себя. Его идеалом было видение у престола совещательных органов, полных благоразумных людей, ограждающих правителя от плохих решений. Тем не менее, Максим Грек остался более близок монашескому призванию, нежели Вассиан Патрикеев, ставший скорее общественно-политическим деятелем.

Ключевые слова: Нил Сорский, Максим Грек, Вассиан Патрикеев, нестяжатели, политика, история, религия, православие.

Нил Сорский являлся монахом Русской православной церкви начала XVI в. – и одновременно наиболее выдающимся представителем группы, позже названной «нестяжателями». Известные как «заволжские старцы», нестяжатели считали, что церковь не имеет права владеть землей – однако их непринятие церкви как «землевладельца» было связано не сколько с самой землей, сколько с духовным благополучием Церкви. Они утверждали, что владение землей отвлекает

внимание духовенства от Бога и «привязывает» Церковь к мирским проблемам, которые отвлекают священников и разрушают чистоту самой Церкви [11]. И.А. Алексеев в работе «Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв.» также подчеркивает следующее: «В ряде случаев термин «нестяжание» употребляется вместе с термином «безмолвие», что характерно для традиции мистического аскетизма (исихазма), связанного с именами св. Исаака Сирина, Нила Синайского и Григория Синаита» [1. С. 172].

Итак, Нил Сорский, происходящий из рода Майковых и родившийся в 1433 г., является одной из ключевых фигур в истории русского монашества и православной церкви. Он известен как основатель Нило-Сорской пустыни и как представитель направления нестяжателей, выступавших против земельных владений церкви. Начав свою монашескую жизнь в Кирилло-Белозерской обители, Нил Сорский глубоко изучал монашеские традиции в паломничествах по святым местам, где он впервые «познакомился» со скитским образом жизни.

По возвращению в Россию, он основал скит на реке Соре, вдали от Кириллова монастыря, воспроизводя традиции древних скитов Египта, Афона и Палестины. В этом месте Нил Сорский сформировал уникальный устав жизни для своей общины, акцентируя внимание на внутреннем духовном «самоиспытании» и умной молитве. Важным аспектом его учения было требование к грамотности монахов – т.е. упор на значимости знания Священного Писания для них и следовании ему. Литературное наследие Нила Сорского включает в себя «Устав скитской жизни», являющийся не только регламентом жизни в ските, но и аскетическим наставлением. В своих трудах он акцентировал внимание на важности «умной» молитвы, опираясь на учения таких деятелей, как Григорий Синаит и Симеон Новый Богослов. Также Нил Сорский занимался переписыванием и составлением житийных сборников, стремясь к точности и верности текстов Священного Писания.

Нил Сорский ушел от общежительного монашества, предложив третий путь подвижничества, где иноки жили отдельно друг от друга, но собирались вместе в дни богослужений. Такой подход позволял сочетать уединенный молитвенный труд с общим собранием для молитвы и богослужений. Преподобный внес значительный вклад в развитие монашеской традиции на Руси, акцентируя внимание на внутреннем самоиспытании, богомыслии и борьбе со страстями для достижения душевного мира. Его учение и жизнь оказали существенное влияние на развитие православного монашества, а его подвижнический образ жизни и по сей день вдохновляет многих православных верующих. Безусловно, у Нила Сорского были последователи, которые развивали его учение – однако уже в собственной «манере».

Стоит подчеркнуть, что Нил Сорский сам по себе не стремился использовать свои религиозные воззрения как средство для достижения политических целей. Его учение было духовно насыщенным и не содержало прямых политических посланий. Тем не менее, его идеи оказали значительное влияние на общественно-политическую жизнь благодаря его ученикам, таким как Вассиан Патрикеев,

Артемий Троицкий, а также Максим Грек, которые предпринимали попытки адаптировать его идеи к реалиям власти и общественной жизни. Особенно это касается Вассиана Патрикеева, чьи взгляды нашли отклик у Василия III и способствовали своеобразной интеграции духовных принципов Нила Сорского в государственную идеологию того времени. Приведенный пример не только показывает глубину влияния духовных идей Нила на русское общество, но и подчеркивает то, как религиозные учения могут переплетаться с политической жизнью, воздействуя на взгляды и действия как правителей, так и обычных верующих.

Концепции нестяжания вызывали интерес у государственной власти по ряду ключевых причин. Во-первых, они представляли собой способ уменьшить экономическое и социально-политическое доминирование Церкви в обществе. Уменьшение влияния Церкви открывало перед государством дорогу к более централизованной власти и управлению ресурсами. Во-вторых, принципы нестяжания предлагали оправдание для перераспределения церковных земель в пользу государственных нужд, позволяя таким образом власти легитимизировать изъятие земель у Церкви под предлогом общественного блага или необходимости. Указанные аспекты не только подчеркивают стратегическое использование религиозных идей властью для достижения политических и экономических целей, но и иллюстрируют сложность взаимодействия между государством и Церковью в историческом контексте, где религиозные учения могли стать инструментом в руках правителей для реформирования общества и централизации власти [2].

С.В. Перевезенцев утверждает следующее: «...и в начале XVI в., и позднее нестяжатели постоянно предъявляли русским властителям самые высокие нравственные требования, стремились, чтобы всей своей сущностью, всей своей жизнью русские государи соответствовали сформулированному ими идеалу христианского правителя» [9. С. 63-72]. Можно сказать, что у нестяжателей наблюдалось своеобразное желание наставлять правителя на путь истинный. Действительно, представители направления нестяжательства, среди которых особое место занимал Вассиан, видели свою роль как духовных руководителей и нравственных учителей для русских правителей [10]. Эта позиция постепенно начала вызывать недовольство у великих князей, приведя к судебным процессам против нестяжателей. Некоторые историки утверждают, что усиление преследований было связано с конфликтом вокруг развода Василия Ивановича с Соломонией Сабуровой. С.В. Перевезенцев подчеркивает, что идеалы нестяжательства, нацеленные на духовное самосовершенствование личности, не могли предложить идеологическую основу для достижения политических целей в условиях динамично развивающегося Российского государства. Это мнение отражает сложность применения строго духовных принципов к управлению государством, которое требует учета множества социальных, экономических и политических факторов. Духовное руководство и нравственное наставничество, хотя и были ценны для личностного развития, оказались недостаточными для формирования комплексной государственной политики [10].

Нами уже был упомянут Вассиан Патрикеев, точку зрения которого также представляется важным рассмотреть подробнее. Вассиан Патрикеев, признанный в отечественной историографии наследником преподобного Нила Сорского и лидером движения нестяжателей, активно выступал за полный отказ монастырей от владения землей. Его произведения отражают стремление к аскетическому образу жизни, характерному для нестяжательства несмотря на то, что сам он проживал в Симоновом монастыре (что именно по его убеждениям, было неприемлемо):

«Великий князь постарался обставить и жизнь... он ел лучшие блюда, пил редкая вина (романею), мушкатель, рейнское белое, доставлявшиеся от княжеского стола, и пользовался разными удобствами и, в противоположность этому, дает изображение печальной и бедственной жизни обвиняемого им землевладельческого монашества» [5. С. 397-398].

По словам И.А. Алексеева в случае Вассиана Патрикеева возникал достаточно интересный нюанс: его личная критика была направлена не на владение землями как таковое, которое исторически обеспечивало монастыри, а на способность этих религиозных учреждений накапливать богатства, что выходит за рамки их первоначальных аскетических идеалов [1. С. 185]. Вассиан Патрикеев занимал уникальное положение в отношении к власти, отходя от идеи «паритета» между государством и Церковью, характерной для нестяжательства. Он имел значительное влияние при дворе царя [12. С. 107] – что отражалось в его деятельности. Решения, принятые им в этой роли, иногда расходились с аскетическими принципами преподобного Нила, подчеркивая его особую позицию между духовными и светскими обязанностями. Таким образом, в период «позднего» нестяжательства наблюдается отход от аскетических идеалов преподобного Нила и его последователей. Вассиан Патрикеев превращается из духовного подвижника в активного общественно-политического деятеля, чья работа по большей части опирается на полемику – вне практического воплощения идеалов учения в жизни. Идея преподобного Нила как инициатора дискуссии о церковной собственности подчеркивает идеологическую связь между ранним и поздним нестяжательством, переводя акцент с аскетизма на так называемую «теоретическую» дискуссию.

Теперь рассмотрим учения Максима Грека, который принадлежал к числу нестяжателей, внес значительный вклад в развитие русской политической мысли, предлагая реформы, направленные на модернизацию традиционных представлений о власти и управлении государством. Он выступал за расширение путей легитимизации монаршей власти, признавая помимо наследственного права также и выборы как законный способ замещения престола [6. С. 26]. Эта идея стала новшеством для русской политической культуры, предполагая участие общественного мнения в процессе выбора правителя, что приближало его взгляды к концепции сословно-представительной монархии. Максим Грек рассматривал самодержавие не как неограниченную власть, а как власть, ограниченную как божественными, так и государственными (позитивными) законами,

подчеркивая необходимость борьбы монарха со своими страстями, такими как стремление к удовольствиям, славе и богатству. Он подчеркивал важность организации государственной власти таким образом, чтобы она функционировала в рамках так называемых «совещательных органов», включающих благоразумных советников и военачальников и исключая тех, кто мог бы оказывать разрушительное влияние на правителя.

Максим Грек также акцентировал внимание на необходимости соблюдения моральных и нравственных критериев в действиях монарха, считая, что основой для всех «преступлений человеческих» является стремление к богатству и что монастыри, следуя евангельским заповедям нищеты, не должны накапливать частновладельческие богатства, что ведет к порочной жизни за счет других людей. Таким образом, Максим Грек выступал за отказ от богатства как от основы социальных и нравственных пороков, подчеркивая значение труда и евангельских заповедей в жизни как монахов, так и мирян. В целом, можно сказать, что политические и правовые взгляды Максима Грека были направлены на формирование более справедливой и морально чистой системы управления, где власть монарха ограничивается законом и нравственными принципами, а государственная деятельность направлена на обеспечение мира и стабильности жизни подданных.

Теперь обратимся к Ивану Вишенскому – выдающемуся представителю русской и украинской литературы конца XVI – начала XVII вв., монаху и публицисту, известному своими острыми и проникновенными полемическими сочинениями. Проживая на землях Украины, тогдашней части Речи Посполитой, Иван Вишенский выступал с резкой критикой так называемого социального строя, осуждая его как эксплуататорский и проявляющий феодально-крепостническую систему в ее наихудшем виде. В его понимании роль монархии определяется следующими принципами:

- монарх, будучи Божьим помазанником, не должен ставить себя выше простых людей, что подразумевает важность установления справедливых ограничений его власти;
- монарх, как и любой другой человек, может ошибаться, и за свои ошибки он обязан нести ответственность.
- легитимность и справедливость правления монарха напрямую зависят от его следования Божьим законам – правитель, пренебрегающий этими законами и не заботящийся о благе своих подданных, сравнивается с «дьяволом-миродержцем».

Вишенский разрабатывал концепцию «соборности» как системы управления, основанной на коллективности и равенстве всех членов общества, видя в ней истинную форму демократии, подобную ранним христианским общинам. В такой системе даже наличие монархии не исключало возможности своеобразного «народного контроля» над властью. Согласно Вишенскому, подобная модель управления могла обеспечить равенство и свободу в духовной и социально-политической жизни общества, преодолевая злодеяния, несправедливость

и тиранию. Вишенский, признавая потенциальную справедливость монархической власти, предпочитал концепцию «монашеской республики», вдохновленной примерами ранних христианских общин. Вишенский подчеркивал важность духовного возрождения, покаяния в грехах и следования заповедям как пути к достижению высших идеалов.

Наконец, рассмотрим Артемия Троицкого. Старец, известный в литературных кругах как Артемий, был сторонником учений византийско-афонского исихазма, которые начали проникать на русские земли с XIV в., вдохновляя таких духовных лидеров, как Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и других деятелей домонгольской эпохи. Исихазм, представляющий собой мистическое учение о духовном преобразовании человека, считается выражением глубинной сущности православного вероучения. Однако, наступившая позже эпоха привела к забвению этих идей среди русских и византийских монахов – пока деятельность Григория Синаита на Афоне не способствовала их возрождению, подчеркивая важность «внутреннего делания» как сущности монашества [7]. Произведения Синаита существенно повлияли на формирование учений Нила Сорского и его последователей. По мнению Т.В. Чумаковой, Артемий Троицкий также был связан с исихастской традицией [13. С. 238]. Его подход к религии выходил за рамки общепринятых норм того времени, когда преобладали формализм и подчинение «священной» власти. Артемий, подобно Нилу Сорскому, отличался гуманностью восприятия и возвышенным, духовным пониманием религии, что делает его достойным продолжателем «направления» последнего [3. С. 138].

Его интерпретация христианской идеи о том, что человеческая природа пострадала из-за первородного греха, склоняется к мысли о том, что изначально человеческая доброта была нарушена, но не полностью уничтожена грехом. А.Ф. Замалеев, выдающийся исследователь в области русской духовной мысли, отмечает, что основной фокус взглядов Артемия Троицкого лежит в сфере этики и морали. Он утверждает, что каждый человек изначально склонен к добру, что наиболее явно проявляется через любовь к ближнему. Эта любовь является фундаментальной добродетелью, под воздействием которой совершаются все добрые поступки в мире [4. С. 62]. По мнению Артемия, источником зла является сам человек, а свобода выбора определяет, будет ли это любовь к другим или проявление злобы. Связь доверия к человеку и убеждение в его врожденной свободе делает учение Артемия схожим с религиозно-философскими взглядами Максима Грека, подчеркивая важность внутренней доброты и свободы воли в моральном выборе человека.

Исходя из представленного анализа, становится ясно, что влияние исихазма является ключевым в жизни и произведениях Артемия Троицкого. Однако важно отметить, что его версия исихазма существенно отличается от поздневизантийской богословско-философской традиции паламизма, сложившейся в XIV в. в Византии в ходе исихастских диспутов. Артемий Троицкий соединил исихастскую духовную практику с традициями, связанными с кирилло-мефодиевским

наследием в области духовного познания и преподавания. Подобно своему учителю Нилу Сорскому, Артемий полностью оставался в рамках синаитизма – учения Григория Синаита, возникшего на Афоне и ставшего фундаментом для известных исихастских дебатов. Как указывает В.Н. Лазарев, исихазм, возникший на Афоне, ассимилировал глубинные учения восточного христианства, обогащая их уникальным содержанием [8. С. 168]. Русские исихасты, в отличие от своих византийских предшественников, выделялись особым акцентом на морально-этических и социально-политических аспектах, нашедших отражение в учении о нестяжательстве. Искания социальной справедливости и личная аскетическая дисциплина привлекали русских духовных искателей больше, чем строго мистическая интроспекция или богословско-философские раздумья. Что же касается Вассиана Патрикеева – то в его случае политические амбиции быстро «превзошли» монашеские зарюки. Вассиан стал активным участником на общественно-политической арене, но уже в другом аспекте – через участие в идеологических и религиозных дискуссиях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что учения Максима Грека, Артемия Троицкого и Ивана Вишенского разнились с представлениями Вассиана Патрикеева, который был более вовлечен в общественно политическую жизнь и будто бы предпринимал попытки адаптировать учение Нила Сорского под нее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алексеев А.И.** Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002.
2. **Болтенкова Л.Ф., Шевелев В.И.** К вопросу о взаимовлиянии Русской Православной Церкви и институтов государственности (IX-XVI вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vzaimovliyanii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-i-institutov-gosudarstvennosti-ix-xvi-vv>.
3. **Вилинский С.Г.** Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906.
4. **Замалеев А.Ф.** Лекции по истории русской философии (XI-XX вв.). СПб., 2001.
5. **Иконников В.С.** Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915.
6. **Казакова И.А.** Максим Грек и идея сословно-представительной монархии // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
7. **Климков О.С.** Доктрина Григория Синаита и ее влияние на исихастское возрождение XIV в. // Философская мысль. 2018. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-grigoriya-sinaita-i-ee-vliyanie-na-isihastское-vozhrozhdenie-xiv-v>.
8. **Лазарев В.Н.** История византийской живописи. М., 1986.
9. **Перевезенцев С.В.** «Умное делание» преподобного Нила Сорского // Вестник Московского университета. 2011. № 4.

10. **Перевезенцев С.В.** Учение преподобного Нила Сорского в политическом дискурсе XVI века // Сайт «Образовательный портал «Слово»» // <https://portal-slovo.ru/history/46102.php>.
11. **Сизинцев П.В.** Антропология прп. Нила Сорского и роль в ней личностных свойств человека // Современное педагогическое образование. 2020. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-prp-nila-sorskogo-i-rol-v-ney-lichnostnyh-svoystv-cheloveka>.
12. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / изд. подгот. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971.
13. **Чумакова Т.В.** «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001.

Е.А. SVIRIDENKO

Postgraduate student, Faculty of Philosophy,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF THE TEACHINGS OF NIL SORSKY IN THE WORKS OF HIS ASSOCIATES IN THE 16TH CENTURY

The article is devoted to identifying the key positions and concepts of the theological and political teachings of Nil Sorsky, continued by his students in the 16th century. Based on numerous sources, the contribution of Nil Sorsky to the Orthodox monastic tradition was demonstrated, the creation of a new image of the monastery in Rus', where the monks lived separately from each other, but gathered together during services. His students, such as Vassian Patrikeev and Maxim Grek, tried to adapt his teaching to the realities of power and public life. Non-possessors presented themselves as spiritual mentors, called upon to be moral teachers for Russian rulers. Thus, Vassian Patrikeev gradually moved away from the idea of parity and equality between the state and the Church, while trying to influence the ruler more. However, some researchers believe that following strictly spiritual principles is impossible and even harmful as a basis for government. Maxim the Greek sought to propose reforms to modernize ideas about power. Thus, he recognized, in addition to the right of inheritance, elections as a legal way of replacing the throne. He saw royal power as limited by divine and earthly laws, and the royal figure must also fight temptations and passions, limiting himself. His ideal was a vision of deliberative organizations at the throne, full of prudent people, protecting the ruler from bad decisions. Nevertheless, Maxim the Greek remained closer to the monastic calling than Vassian Patrikeev, who became more of a social and political figure.

Key words: Nil Sorsky, Maxim the Greek, Vassian Patrikeev, non-possessors people, politics, history, religion, Orthodoxy.